

Ю. В. Бромлей

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ И ТЕНДЕНЦИИ ИХ ДИНАМИКИ

Хотя этнография призвана прежде всего изучать этносы, однако этим исследуемые ею объекты далеко не исчерпываются. В конечном счете таковые включают все разновидности историко-культурных образований. Поэтому их характеристика — одна из важных задач этнографической науки. Не случайно решению данной задачи в последнее время уделяется немало внимания в нашей этнографической литературе¹. Настоящая статья представляет собой попытку суммировать, а вместе с тем и уточнить существующие наблюдения (в том числе и принадлежащие автору), касающиеся типологизации основных видов историко-культурных общностей и иерархии их соотношения.

Представление о таких общностях исходит из того факта, что культура человечества, будучи по сути единой, в своих конкретных проявлениях отличается чрезвычайным многообразием. И если рассматривать ее в синхронно-глобальном плане, то в ней окажется возможным выделить множество различных взаимопересекающихся общностей. В диахронно-генетическом плане они представляют собой исторически сложившиеся образования. Соответственно в целом подобные общности могут быть названы историко-культурными. Однако сразу же следует подчеркнуть, что к таковым мы относим лишь те общности, которые проявляются не в одном компоненте культуры (подобных общностей можно выделить бесчисленное множество), а в целом их комплексе, хотя последний в конечном счете может определяться отдельными системообразующими факторами (например, хозяйством, языком, религией и т. п.).

Историко-культурные общности могут быть подразделены на две основные категории, находящиеся в определенном взаимоотношении друг с другом. Одна из них — этнические общности, которые не только отличаются устойчивостью исторически сложившихся черт культуры, но и обладают сознанием общности — самосознанием, придающим им особую отчетливость. Предыдущие публикации² избавляют нас от необхо-

¹ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса). — «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1955, № 4; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1972, № 6; Ю. В. Бромлей. К проблеме типологизации этнических общностей. — IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973. Доклады советской делегации), М., 1973; Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования). — СЭ, 1975, № 3; Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и Зарубежной Азии. — СЭ, 1975, № 4; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Метаэтнические общности. — «Расы и народы», М., 1976, в. 6.

² См. например: Ю. В. Бромлей. К вопросу о сущности этноса. — «Природа», 1970, № 2; *его же*. Опыт типологизации этнических общностей. — СЭ, 1972, № 6; *его же*. Этнос и этнография. М., 1973.

димости давать здесь сколько-нибудь подробную характеристику основных этнических подразделений — этникосов и этносоциальных организмов. Поэтому остановимся лишь на вопросе об иерархичности этнических общностей. Как уже не раз нами отмечалось, наряду с этническими подразделениями основного уровня в этнической структуре человечества имеются общности и других таксономических уровней. Это, с одной стороны, «элементарные этнические единицы» или «микроэтнические единицы», т. е. наименьшие составные части основного этнического подразделения, которые представляют предел делимости последнего, с другой — «макроэтнические единицы» или «метаэтнические общности»³ — образования, охватывающие несколько основных подразделений. При этом основные этнические подразделения — этносы — отличаются от метаэтнических общностей большей интенсивностью этнических свойств (как этноинтегрирующих, так и этнодифференцирующих). В данной связи следует заметить, что для обозначения рассматриваемых образований наименование «метаэтнические» представляется более предпочтительным, чем «макроэтнические», уже хотя бы потому, что последнее может быть понято просто как «крупные этносы». К тому же нельзя не учитывать, что у этих образований внутренние связи, как только что отмечалось, менее интенсивны, чем у этносов, а их наименование «макроэтническими» может дать повод для противоположного заключения. В то же время в рассматриваемом контексте термин «метаэтническая общность», на наш взгляд, предпочтительнее термина «надэтническая»⁴, поскольку в последнем случае речь идет об образованиях, которые могут быть полностью лишены этнических свойств⁵ (между тем у интересующих нас объединений есть, как мы еще в этом не раз сможем убедиться, определенные признаки, сближающие их с этносами, — общие черты культуры и единое самосознание). Основательными представляются и общие соображения авторов, предложивших термин «метаэтнические общности», а именно, что его введением подчеркиваются два обстоятельства: 1) метаэтническая общность представляет собой совокупность этносов (по аналогии с термином «метagalaktika») и 2) эти общности находятся в состоянии перехода, изменения состояния (по аналогии с понятием «метастабильное состояние») ⁶.

Подобно основным этническим единицам — этносам (этникосам и этносоциальным организмам), метаэтнические общности могут быть подразделены на этносоциальные и собственно этнические. Первые чаще всего выступают как метаэтнополитические⁷ общности, вторые — только как метаэтнокультурные. Поскольку в последнем случае системообразующим фактором (основным объективным основанием для выделения этнокультурных метаобщностей) служат те или иные компоненты культуры, эти общности в свою очередь могут быть метаэтнолингвистическими, метаэтноконфессиональными, метаэтнохозяйственными и т. п. При этом помимо общности по соответствующему основному компоненту культуры (языку, религии, типу хозяйства) такие образования имеют общие черты в некоторых других связанных с ним сферах повседневной культуры, т. е. в конечном счете являются комплексными.

³ См. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 17 и сл.

⁴ См. там же.

⁵ Аналогичным образом обстоит дело и с термином «межэтническая общность». Этот термин не предполагает обязательного наличия у обозначаемого им образования единых этнических черт.

⁶ См. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 17, прим. 5.

⁷ Представляется целесообразным в данном случае (как и в других подобных) использовать префикс «мета», поскольку без его добавления к термину «этнополитическая общность» последняя легко может быть понята как отдельная разновидность основного этнического подразделения — этнос, сопряженный с государственно-политическим образованием.

Особое место в этнической иерархии занимают микроэтнические единицы, представляющие предел делимости основной этнической общности. Как и во всех других этнических подразделениях, так и в данном случае, разумеется, следует различать два аспекта: собственно этнический и этносоциальный.

Поскольку пределом делимости этникоса, при котором в основном сохраняются его свойства, является отдельный человек, очевидно, таковой и является собственно этнической микроединицей. Существует предложение (правда, еще недостаточно прочно утвердившееся в науке) именовать человека в роли носителя этнических свойств, этнической информации — этнофором⁸ (от греч. *ἔθνος* — народ + *φορος* — несущий). Совершенно очевидно, что своеобразие этнофора в этнической иерархии заключается прежде всего в том, что в отличие от всех других ее подразделений он неспособен самостоятельно обеспечить межпоколенное воспроизводство этнических свойств.

К микроэтносоциальным единицам следует прежде всего отнести такую «элементарную» общественную ячейку, как семья, которой, как известно, принадлежит немалая роль в воспроизводстве этноса — межпоколенной трансмиссии этнических свойств.

Промежуточное положение между микроэтническими единицами и этносами занимают субэтносы. Обычно их существование связано с осознанием групповых особенностей тех или иных компонентов культуры. Происхождение таких групп далеко не одинаково. В одних случаях это бывшие этносы, постепенно утратившие роль основных этнических подразделений, в других — бывшие этнографические группы, осознавшие свою общность, в третьих — социальные общности, обладающие специфическими чертами культуры (например, донские казаки). Особое место среди субэтносов принадлежит тем, которые возникли на основе расовых групп. В частности, очевидно, негров США можно рассматривать как субэтнос североамериканской нации (этносоциальной общности).

Один и тот же человек может одновременно входить в несколько этнических общностей различных уровней. Например, можно считать себя донским казаком (субэтнос), русским (основное этническое подразделение), восточным славянином и славянином вообще (два уровня метаэтнической общности)⁹.

Этнические общности во всем многообразии их таксономических уровней следует отличать от так называемых историко-этнографических общностей. Такого рода общности выступают в двух основных разновидностях. Это, с одной стороны, «этнографические группы», с другой — «историко-этнографические области». Под «этнографическими группами», как известно, принято понимать те локальные («внутренние») подразделения этноса-народа, у которых имеются отдельные специфические элементы культуры¹⁰. Очевидно, однако, что различие в таксономическом уровне (более низком, чем у этноса) не может служить критерием для разграничения между этническими и этнографическими общностями. Ведь под второй разновидностью этнографических общностей — историко-этнографическими областями — обычно понимаются ареалы,

⁸ См. Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика обследования). — СЭ, 1970, № 2, с. 57.

⁹ Восточнославянские этносы — русские, украинцы и белорусы, сложившиеся на базе единой древнерусской народности раннего средневековья, близки друг к другу не только по языку, но и по многим компонентам материальной и духовной культуры; налицо у всех этих народов и общее самосознание (см. В. А. Александров. Восточные славяне. Древнерусская народность. Очерк этнической истории восточнославянских народов до середины XIX в. — «Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР», М., 1968, с. 56—75).

¹⁰ Этнографическая группа. — БСЭ, изд. 2, т. 49, с. 249.

охватывающие несколько этносов-народов¹¹, т. е. категория, имеющая в пространственном плане более высокий таксономический ранг, чем этнос.

Поэтому представляется, что в основу разграничения этнических и этнографических общностей должны быть положены не различия таксономического характера, а общий качественный критерий. Таковой, на наш взгляд, достаточно отчетливо проступает при сопоставлении понятий «этнос» и «историко-этнографическая область». Будучи, как и этнос, комплексной (многокомпонентной) культурной общностью, историко-этнографическая общность отличается от него, в частности, тем, что она обычно не осознается людьми, составляющими ее, т. е. не обладает самосознанием. Представляется, что данный показатель и должен служить основным критерием при разграничении этнических и этнографических общностей вообще. Для этого имеются тем большие основания, что в таком случае название «этнографическая общность» будет прямо выражать возможность выявления подобных общностей лишь путем специального этнографического исследования. Приложение же этого критерия к термину «этнографическая группа» в свою очередь позволяет отграничить обозначаемые им общности от тех наделенных специфическими чертами культуры совокупностей людей внутри этносов, которые обладают самосознанием. Именно такого рода этнические подразделения предлагается именовать субэтнотами¹². И следовательно, поморы и различные группы казаков, обладающие самосознанием, будут представлять собой субэтноты русского народа, а северные и южные русские — его этнографические подразделения.

Следует в свою очередь различать внутриэтнические историко-этнографические общности (этнографические группы) и общности межэтнические, включающие несколько этносов. В последнем случае такие общности охватывают определенные части эйкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния сложились сходные культурно-бытовые особенности¹³. Они проявляются как в материальной, так и в духовной традиционной культуре, особенно в тех ее элементах, что несут эстетическую нагрузку. Нередко эти особенности в значительной мере обусловлены природной средой (неслучайно историко-этнографические общности подчас в большей или меньшей степени совпадают с географическими ареалами). Еще один путь возникновения историко-этнографических образований — трансформация метаэтнополитических общностей в результате утраты ими своих государственных функций и самосознания. Одна из характерных черт генезиса историко-этнографических общностей состоит в том, что все они формируются на протяжении длительных периодов в ходе культурной интерференции соседних народов. В силу этого структура таких общностей многослойна, а границы довольно лабильны. Этим образованиям присуще также сохранение основных черт культуры на протяжении многих и многих поколений. И их скорее следует именовать традиционно-культурными (и такое наименование, на наш взгляд, предпочтительнее). Представляется важным учитывать, что в пространственном плане традиционно-культурные общности имеют разные таксономические уровни. Соответственно среди них можно выделить наиболее крупные «провинции», которые охватывают целые части света или большие группы соседствующих стран, и меньшие «области», в свою очередь дробящиеся на подобласти и местные историко-

¹¹ См. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб.

¹² Ранее такие этнические подразделения нами именовались этническими группами (см. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 33). Между тем последний термин более подходит для обозначения «осколков» — этносов.

¹³ См. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 4—10.

культурные регионы¹⁴, а в конечном счете на этнографические группы. Таким образом, складывается своеобразная иерархия историко-этнографических (традиционно-культурных) единиц: этнографическая группа, историко-этнографическая область и историко-этнографическая провинция. Например, Юго-Восточноазиатская провинция, по наблюдениям специалистов, на рубеже XIX—XX вв. включала Западноиндокитайскую (Бирма, Таиланд), Восточноиндокитайскую (Лаос, Камбоджа, Вьетнам), Западноиндонезийскую (Малайзия, Суматра, Ява, Мадуро, Бали, Калимантан и соседние острова), Восточноиндонезийскую (весь остальной Малайский архипелаг) и Филиппинскую области¹⁵. Другой пример — Сибирская историко-этнографическая провинция. В ней выделяются такие области, как Ямало-Таймырская, Западносибирская, Алтае-Саянская, Восточносибирская, Камчатско-Чукотская и Амуро-Сахалинская¹⁶.

Впрочем, установление критериев для разграничения всех уровней историко-этнографических или традиционно-культурных общностей — задача весьма сложная. Это обусловлено генетической и структурной многослойностью таких образований, размытостью их границ.

Наряду с такого рода «многофакторными» общностями могут быть выделены, так сказать, «однофакторные» историко-культурные ареалы. Основная системообразующая роль в них принадлежит отдельным компонентам культуры, причем эти компоненты в той или иной мере налагают свой отпечаток и на другие сферы традиционно-бытовой культуры; вместе с тем в отличие от «однофакторных» метаэтнических общностей рассматриваемые историко-культурные ареалы не обладают четким самосознанием. В тех случаях, когда в качестве системообразующего фактора выступает язык, эти ареалы могут быть названы лингвоэтнографическими (такие ареалы могут возникнуть на базе метаэтнолингвистических общностей), когда же религия — конфессионально-этнографическими. Могут играть системообразующую роль и типы традиционного хозяйства: в таком случае мы будем иметь хозяйственно-культурные ареалы (не следует смешивать с хозяйственно-культурными типами¹⁷, поскольку каждый хозяйственно-культурный ареал представляет конкретное выражение одного из таких типов).

Подобно этникосам историко-этнографические (традиционно-культурные) общности «пересекаются» с определенными социально-экономическими общностями (как отдельными социальными организмами, так и целыми группами социальных организмов, принадлежащих к одной социально-экономической формации). Например, Африканская тропическая историко-этнографическая провинция, включающая часть континента южнее Сахары, еще в недавнем прошлом состояла из отставших в своем социально-экономическом развитии стран, являвшихся в подавляющем большинстве колониями европейских держав¹⁸. В результате синтеза историко-этнографических (традиционно-культурных) и социально-экономических общностей складываются своеобразные об-

¹⁴ См. Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 216.

¹⁵ См. Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и Зарубежной Азии, с. 39—42.

¹⁶ См. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 10—17.

¹⁷ Вводя понятие «хозяйственно-культурные типы», М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров писали, что имеют в виду «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественное географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития» (М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 4).

¹⁸ См. Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и Зарубежной Азии, с. 34—38.

разования, которые условно могут быть названы «социокультурными регионами»¹⁹.

Таким образом, можно выделить две основные разновидности историко-культурных образований: этнические и историко-этнографические (традиционно-культурные) общности. При этом каждая из них имеет несколько таксономических уровней и, пересекаясь с социальными общностями, образует «синтетические» этносоциальные и этнографо-социальные (или социокультурные) единицы. Историко-этнографические общности (впрочем, так же, как и метаэтнические) могут быть подразделены на «комплексные» и «однокомпонентные».

В каждый данный момент взаимопересечение огромного числа этих общностей самого различного вида образует сложную сеть, представляющую собой как бы пространственную структуру культуры всего человечества. Во временном плане данная сеть, как и ее составляющие, основой которых, как правило, является традиционная культура, отличается значительной устойчивостью. Большинство этих составляющих существует по несколько столетий, а некоторые — даже на протяжении ряда социально-экономических формаций.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на свою устойчивость, все историко-культурные общности (как этнические, так и историко-этнографические) представляют собой динамические явления, подверженные в той или иной мере изменениям во времени. При этом такие изменения нередко сопровождаются трансформацией одного вида этих общностей в другой. Так, у этнографической группы может появиться сознание общности (самосознание), и она в таком случае превратится в субэтнос; в свою очередь субэтнос, утратив самосознание, может трансформироваться в этнографическую группу. Аналогичные превращения могут также иметь место между метаэтническими общностями и теми видами историко-культурных макрообщностей (в том числе историко-этнографических), которые не обладают самосознанием (например, этнографо-лингвистическая общность, приобретя самосознание, становится метаэтнолингвистической). Возможны также трансформации противоположной направленности.

Этническая история человечества знает немало подобных превращений. На первый взгляд, правда, может показаться, что они имеют хаотический характер. Такому представлению немало способствует значительная долговечность различных видов историко-культурных общностей и несинхронность их изменений. Действительно, в силу этого в огромной массе взаимопересекающихся общностей такого рода весьма трудно отчетливо выявить общие тенденции их динамики. И все же представляется, что если рассматривать указанные превращения во всемирно-историческом масштабе, то некоторые их закономерности могут быть намечены.

Важнейшая из них — постепенное увеличение масштабов этнических общностей. При этом проступают два основных модуса реализации данной тенденции. Один из них связан с трансформацией в новые этнические подразделения макроэтнических образований, другой — с превращением историко-этнографических общностей в этнические. Следует, однако, учитывать, что в конкретно-исторической действительности обычно оба указанных модуса теснейшим образом переплетены друг с другом. Кроме того, вопрос усложняется и тем, что нередко имеет место как бы противоположная тенденция — превращение этноса в историко-этнографическую или метаэтническую общность более крупного масштаба; последняя, правда, со временем сама может стать этносом. Так, в первобытном обществе отдельные племенные единицы, т. е. основные

¹⁹ См. Ю. В. Бромлей. О соотношении историко-культурных ареалов и цивилизаций. — «Социология и проблемы социального развития», М., 1978, с. 276.

этносоциальные подразделения, в результате этноразделительных и ассимиляционных процессов (связанных с переселениями и завоеваниями) нередко «расширялись» до масштабов, во много раз превосходящих размеры «материнской» общности. Такова, видимо, основная линия генезиса кельтов, германцев, славян, угро-финнов и т. п. Основным системообразующим фактором для подобных образований обычно выступает язык, и в этом смысле они могут рассматриваться как лингвистические общности, которые, кстати сказать, сами часто образуют иерархию таксонов различного уровня²⁰. Что касается «внутренней» этнической структуры этих общностей, то на разных стадиях социально-экономического развития она имела свои особенности: в доклассовых обществах они представляли «семьи племен», в раннеклассовых — совокупности народностей. Но в целом в том и в другом случае это были либо историко-этнографические, либо метаэтнические образования, причем первые подчас трансформировались во вторые и наоборот. Например, древнегреческие племена во времена Гомера, несомненно, обладавшие определенной культурной общностью, не имели, однако, общецеллинского самосознания: такое самосознание у них появляется лишь в VII в. до н. э. Примерно в то же время в древнем Китае для обозначения населения центральных царств (в бассейне Хуанхэ) входит в употребление общее наименование «ся»²¹. Известно также, что древние германцы, распадаясь на множество независимых, часто враждовавших между собой племен, долгое время не обладали сознанием своей общности и не имели даже общего самоназвания. «Имя же Германия, — писал Тацит, — новое и недавно вошедшее в употребление: сначала германцами называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми... так стали называть всех (жителей Германии) по племени победителей из страха, а потом те сами усвоили себе имя (германцев — приданное им галлами)»²². Другим примером могут служить славяне, у которых в раннее средневековье появляется представление о своей общности²³. Таким образом, тенденция возникновения наряду с отдельными этносами более крупных историко-культурных межэтнических общностей прослеживается уже в доклассовых и раннеклассовых обществах, причем эти общности нередко в конечном счете превращаются из этнографических в этнические.

Несколько иной была обычно судьба хозяйственно-культурных общностей, которые представляли один из наиболее ранних видов образований, охватывающих несколько этнических единиц. Разграничение между этими образованиями проводится в первую очередь не по языку, а по различным этнографическим признакам: преобладающему типу хозяйства (охота, собирательство, рыболовство, земледелие), образу жизни (оседлый, полукочевой, кочевой), формам орудий труда, одежды и других элементов материальной культуры. Обычно, однако, такие общности обладают по сравнению с другими наименее выраженными формами общего самосознания и соответственно редко трансформируются в метаэтнические образования. Пожалуй, исключение представляют хозяйственно-культурные объединения у кочевников. Такие объединения могут охватывать народы, как родственные, так и неродственные по языку²⁴. Наглядным примером лингвистически «сборной» метаэтнической

²⁰ См. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 18, 19.

²¹ См. М. В. Крюков. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — «Расы и народы», 1976, вып. 6, с. 44.

²² «P. Cornelii Taciti de origine et situ germanorum 2,2». — «P. Cornelii Taciti libri qui superunt». Lipsiae, 1957.

²³ См. В. Д. Королюк. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. — «История, культура, фольклор и этнография славянских народов», М., 1968, с. 101—103.

²⁴ См. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 21, 22.

общности могут служить кочевники «хамсе» Южного Ирана, включающие тюркские и арабские племена скотоводов, объединенные общими хозяйственно-культурными особенностями и имеющие ясно выраженное общее самосознание²⁵.

На рубеже доклассовых и раннеклассовых обществ появляется новая разновидность метаэтнических общностей — потестарно-политические образования. Применительно к последнему этапу доклассовых обществ мы их характеризуем как потестарные²⁶, применительно же к классовым — как политические. Примером метаэтнопотестарной общности могут служить различные объединения североамериканских индейцев: лига ирокезов, состоявшая сначала из пяти, а позднее из шести племен; союз дакотских племен, известный под названием «Семь костров племенных советов»; союз команчей, включавший представителей трех семей племен (шоноязычных команчей, сиуязычных айова и атапаскязычных кайова); союз трех племен ацтеков и т. д.²⁷ В Африке подобные образования возникали в самые различные периоды истории от древности до недавнего времени. Таков, например, союз племен азанде, образовавшийся в XIX в. на территории современных северных районов республики Заир и Центральноафриканской Республики²⁸. Нельзя не напомнить о существовании разных форм межплеменных объединений в раннесредневековой Европе: кельтских, германских, славянских, балтийских и т. д. Позднее, как известно, не раз проявляется тенденция к формированию на базе остаточных форм этих образований новых основных этнических подразделений.

Эта тенденция, в частности, дает о себе знать уже на заре докапиталистических классовых обществ, когда происходит укрупнение основных этнических подразделений — возникновение народностей на основе нескольких племен (чаще «родственных», но далеко не всегда только таких). Подобным образом возникло подавляющее большинство народностей древнего и средневекового миров: аккадцы, египтяне, латиняне, болгары, венгры, датчане, поляки, хорваты, провансальцы, фламандцы, шотландцы и т. д. Следует особо подчеркнуть, что, как правило, эти и им подобные новые основные этнические подразделения — народности — возникают в рамках уже сложившихся метаэтнических общностей, которые как бы подготавливают их появление; в то же время бывшие основные этнические подразделения — племена — превращаются в субэтноты или этнографические группы народностей.

Для нового дальнейшего «витка» в формировании основных этнических подразделений в известной мере подготовила почву тенденция возникновения макрообщностей в развитых докапиталистических обществах. Прежде всего имеются в виду метаэтнополитические образования, а также их «наследники» — историко-этнографические общности. Пожалуй, среди ранних проявлений этой тенденции наиболее типично возникновение эллинского мира на развалинах державы Александра Македонского. Другим примером возникновения обширной этнополитической общности древнего мира может служить поздняя Римская империя с характерной для нее тенденцией к нивелировке населения, наиболее отчетливо проявившаяся в широком распространении римского гражданства и романизации²⁹. Знает подобные метаэтнополитические общности

²⁵ См. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Проблемы этнического развития стран Зарубежной Азии. — «Вопросы истории», 1969, № 1, с. 98.

²⁶ См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 40.

²⁷ См. «Народы Америки», с. 1. М., 1959, с. 209, 253; Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVII—XVIII вв. М., 1970, с. 138.

²⁸ Б. В. Андрианов. Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки. — «Вопросы истории», 1967, № 9, с. 110.

²⁹ См. О. А. Кудрявцев. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, с. 327, 328. Существует, впрочем, мнение, что образования типа державы Александра

и средневековье. На раннем этапе это, например, Арабский халифат и империя Карла Великого; на позднем — империя Чингизхана и его преемников, Габсбургская монархия, империя Великих Моголов, Османская империя. В конце средневековья новым специфическим импульсом для развития рассматриваемой тенденции послужило возникновение колониальных держав — сначала Испании и Португалии, а затем Голландии, Франции и Англии. Судьбы этих колониальных держав, как известно, были различны, но всюду они оставили больший или меньший след в культуре (прежде всего в языке и религии) местного населения: в первом случае главным образом в Латинской Америке и Африке, во втором — преимущественно в Азии, Африке и Северной Америке.

В докапиталистических классовых обществах возникновение этнополитических образований подчас сочеталось с таким прежде неизвестным явлением, как складывание обширных межэтнических конфессиональных общностей. Начало этой тенденции приходится на эпоху перехода от рабовладельческого к феодальному обществу; конкретным же объединяющим фактором для таких общностей послужили прежде всего так называемые мировые религии: буддизм, христианство и ислам. Сложившиеся на их базе межэтнические конфессиональные общности до сих пор охватывают немалую часть населения мира³⁰. Выступают в роли межэтнических конфессиональных общностей и некоторые другие религиозные учения. Примером этого может служить индуизм, пронизывавший всю общественную и культурную жизнь разноязычных народов Южной Азии (индоарийских, дравидских и частично тибетобирманских). Следует отметить существование своеобразной иерархии религиозных общностей, возникшей в результате наличия внутри мировых религий различных вероучений и сект (например, в христианстве — православие, католичество, лютеранство и т. д.; в мусульманстве — сунниты и шииты). Разумеется, общности, возникавшие на конфессиональной основе, не следует отождествлять с этносами. В литературе справедливо отмечалось, что «все попытки вплотную сблизить эти два вида общности или подменить один из них другим не имеют достаточных оснований»³¹. Можно согласиться и с утверждением, что в силу культурно-бытового и языкового разнообразия народов, принадлежащих к одной мировой религии, считать «всех христиан, мусульман или буддистов в целом этноконфессиональными общностями невозможно»³². Вместе с тем представляется существенным подчеркнуть и другое: поскольку эти религии оказывали значительное, притом в разных странах примерно одинаковое, воздействие на образ жизни своих последователей, постольку, видимо, есть достаточные основания рассматривать всю совокупность таких последователей как определенную культурную общность, которая в зависимости от наличия или отсутствия достаточно четкого общего самосознания могла иметь характер либо метаэтноконфессионального, либо этнографо-конфессионального образования.

Македонского или Римской империи «вряд ли могут считаться этнополитическими», поскольку они основаны «на завоеваниях, угнетении, экономической эксплуатации и бытовой дискриминации» (С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. *Метаэтнические общности*, с. 31). Однако при этом не учитывается, что подобные образования при всей их эфемерности действительно создавали определенную общность у входивших в них народов, о чем убедительно свидетельствует тот факт, что уже после распада этих образований следы такой общности сохранялись довольно долгое время. К тому же, поскольку мы имеем дело с государственно-политическими образованиями, охватывающими несколько этносов, то, очевидно, есть достаточно оснований квалифицировать их как метаэтнополитические.

³⁰ В настоящее время, по приблизительной оценке, буддистов насчитывается около 250 млн. мусульман — более 500 млн., христиан — свыше 950 млн. (см. «Страны и народы. Земля и Человечество», М., 1978, с. 204).

³¹ П. И. Пучков. *Современная география религий*. М., 1975, с. 170.

³² С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. *Метаэтнические общности*, с. 24.

Своеобразно проявилась в докапиталистических классовых обществах и тенденции к формированию метаэтнолингвистических общностей. Она выразилась главным образом в распространении среди привилегированных слоев общества языков международного общения: в Средиземноморье в эпоху эллинизма это был древнегреческий, в средневековой Западной Европе — латынь, во всей Южной и в значительной части Юго-Восточной Азии начиная с рубежа нашей эры — санскрит. С распространением ислама во многих регионах Африки и Азии такие функции стал выполнять арабский язык, а позже в Азии — также персидский (фарси), а в Восточной Африке — суахили. В Восточной Азии аналогичная роль с начала нашей эры принадлежала вэньяню (древнекитайскому литературному языку).

На рубеже феодализма и капитализма существенные изменения начали происходить на уровне основных этнических подразделений — когда на смену народностям пришли нации. При этом в силу неравномерности общественного развития в условиях капитализма процесс этот оказался существенно растянутым во времени, захватив даже начальный период эпохи социализма. Хотя смена народности нацией — явление, не имевшее тотального характера, однако там, где оно имело место, обычно наблюдалось увеличение масштабов новых этносоциальных общностей — наций — по сравнению с предшествовавшими им этносоциальными образованиями. Один из путей этого увеличения — объединение в рамках нации нескольких народностей, обычно входивших в состав одной сложившейся еще в прошлом макрокультурной общности (метаэтнического или историко-этнографического характера). Простейший случай — формирование на рубеже средневековья и нового времени французской нации в результате слияния северофранцузской и провансальской народностей³³, несколько сложнее — возникновение испанской нации в ходе консолидации кастильской, арагонской, андалузской и других «родственных» народностей³⁴. Но особенно показательна в рассматриваемом отношении история складывания немецкой нации, вошедшей в себя более трехсот государств. В рамках части их в конечном счете сложились субэтноты (нижнесаксонцы, швабы, баварцы и т. д.). Важно подчеркнуть, что во всех этих случаях макрообщность (если не вся, то по крайней мере значительная ее часть) становится основным этническим подразделением. Вместе с тем весьма наглядно об увеличении масштабов нации по сравнению с отдельными вошедшими в ее состав подразделениями свидетельствуют случаи, когда в качестве последних выступают различные расовые группы. Такого рода процессы, как известно, особенно характерны для стран Латинской Америки. В разных из этих стран они, как известно, протекают далеко не с одинаковой скоростью (в первую очередь это зависит от степени расовой дискриминации), но само расовое смешение имеет место в каждой из них. Показательно в этом отношении, например, что в Бразилии в результате заключения межрасовых браков менее чем за 100 лет (с 1819 по 1910 г.) удельный вес лиц смешанного происхождения (главным образом метисов) возрос с 20 до 60% общей численности жителей³⁵.

Увеличение масштабов основных этнических подразделений имело место и в случаях «однолинейной» трансформации народности в нацию. Иногда такая трансформация сопровождалась как ростом численности нации, так и расширением занимаемой ею территории. Например, если сопоставить русскую нацию XVIII—XIX вв. с одноименной народностью XV—XVI вв., то окажется, что первая значительно превосходит вторую не только по числу входивших в ее состав людей, но и по площади за-

³³ Л. В. Покровская. Провансализм (к вопросу о языковых отношениях в Южной Франции). — «Этнические процессы в странах Зарубежной Европы», М., 1970, с. 83—100.

³⁴ «Очерки общей этнографии. Зарубежная Европа», М., 1966, с. 413, 414.

³⁵ См. В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, с. 350, 351.

нимаемой территории. Впрочем, чаще дело ограничивалось главным образом увеличением численного состава нации по сравнению с одноименной народностью. Свидетельством этого могут служить, скажем, изменения в численности, происшедшие на рубеже средних веков и нового времени в тех европейских странах, для которых характерна «непосредственная» трансформация народностей в нации. Так, за 100 лет, с 1750 по 1850 гг., население Италии, Австро-Венгрии, Нидерландов возросло в 1,5 раза, Бельгии, Швеции — почти в 2, Норвегии, Шотландии, Ирландии — более чем в 2 раза³⁶. Наряду с увеличением количественных показателей этносоциальных общностей при такого рода процессах, следует учитывать и перемены, касающиеся их качественных параметров. Необходимо, в частности, иметь в виду дальнейшее повышение культурной однородности наций по сравнению с одноименной народностью, что особенно наглядно проявляется в формировании единого общенационального литературного языка, в постепенном исчезновении локальных различий в бытовой культуре. Существенно и то, что нация, как правило, превосходит народность интенсивностью внутренних культурно-информационных связей горизонтального (синхронного) характера³⁷.

В целом же в новое и новейшее время, наряду с усилением внутренней однородности, для основных этнических подразделений характерно, с одной стороны, сокращение их числа, с другой — повышение среди народов мира удельного веса крупных образований этого типа и преимущественное увеличение их численности. В наше время последняя тенденция с каждым десятилетием проявляется все отчетливее. Если в 1959 г. на земном шаре насчитывалось 43 народа численностью свыше 10 млн. чел. каждый (в том числе в Африке лишь 2 народа) и они составляли около 75% народонаселения мира, то в 1975 г. таких народов было уже 60 (из них в Африке 8), а их доля в численности мирового народонаселения составила около 80%³⁸.

В новое и новейшее время определенные изменения происходят также на уровне межэтнических общностей. Прежде всего в этой связи можно отметить возникновение метаэтнолингвистических образований, сложившихся в процессе колонизации европейскими народами «заморских» земель. Такие образования по сравнению с теми, что складывались на ранних стадиях исторического процесса, представляют собой как бы «вторичные» общности³⁹. Примером подобных общностей, в формировании которых часто участвовало аборигенное население, могут служить народы Латинской Америки, говорящие в большинстве на испанском языке, а также народы англосаксонской лингвистической группы, расселенные в настоящее время (помимо Европы) в Северной Америке, Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии и в некоторых других странах⁴⁰. Начав формироваться еще в условиях колониальных держав, эти общности оказались во многом сопряженными с другими наследовавшими им культурными ареалами (культурно-бытовыми, религиозными и т. п.).

Одна из характерных черт тех изменений, которые происходят в новое и новейшее время с крупными культурными ареалами, — это тенденция превращения отдельных историко-этнографических (традиционно-культурных) общностей в метаэтнические образования. Так, в конце XVIII—XIX в. под воздействием славянофильского общественного движения возрождается общеславянское самосознание (фактически

³⁶ См. Б. Ц. Урланис. Рост народонаселения в Европе. М., 1941, с. 414—415.

³⁷ См. С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.—«Расы и народы». М., 1972, в. 2, с. 27.

³⁸ См. В. И. Козлов. Этническая демография. М., 1977, с. 33.

³⁹ См. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 20.

⁴⁰ См. С. И. Брук. Этнический состав населения мира.—«Атлас народов мира», М., 1964, с. 130—140.

утраченное в эпоху развитого феодализма), и, таким образом, славяне из историко-этнографической общности вновь превращаются в метаэтнолингвистическую. Наблюдаются также отдельные всплески роста самосознания в рамках профессионально-культурных общностей. Наглядной иллюстрацией этого может, например, служить та роль, которую уже в настоящее время сыграло сознание религиозной общности мусульман в образовании Пакистана или в создании Исламской Республики Иран. Происходит и складывание политико-культурных метаэтнических общностей. Нередко это по существу продолжение начавшихся еще в прошлом процессов. Так, например, в современной Индии идет культурная интеграция весьма пестрого по своему этническому составу населения — процесс, имеющий, несомненно, глубокие исторические корни⁴¹. В результате складывается многокомпонентная метаэтническая общность в общегосударственных масштабах. Вместе с тем сложность этнической структуры Индии способствует формированию «региональных» метаэтнолингвистических образований в результате распространения у населения таких языков межнационального общения, как языки хинди и урду. В известной мере аналогичные процессы протекают в Индонезии. Здесь, правда, возникло несколько очагов культурно-языковой консолидации. Однако большинство народов Индонезии говорит на близкородственных языках, обладает многими общими чертами традиционного бытового культуры и сознает свою принадлежность к общеиндонезийскому целому, хотя и имеет собственное этническое самосознание. К тому же общим языком для всей Индонезии является не язык крупнейшего народа страны (яванцев), а развившийся на основе одного из малайских диалектов общеиндонезийский язык⁴², что немало способствует процессу укрепления общегосударственной метаэтнической общности.

Процессы формирования метаэтнических общностей в последнее время разворачиваются также в странах Тропической Африки, в большинстве своем полиэтнических (например, в Танзании, Нигерии, Гвинее, Мали)⁴³. Возникающие при этом новые образования подчас именуются «нациями», однако если иметь в виду не государственно-политическую, а лишь этносоциальную категорию, то, как правило, речь может идти лишь о метаэтнополитических общностях. Это, разумеется, не исключает того, что со временем некоторые из них превратятся в нации, представляющие собой этносоциальные образования.

Интенсивно идут рассматриваемые процессы в социалистических государствах, чему немало способствует отсутствие в них антагонистических классов. Так, в результате этих процессов в СССР за годы Советской власти сформировалось новое по своей социальной сути межэтническое (межнациональное) образование — советский народ, который характеризуется наличием как государственно-политической, так и экономической, социально-классовой и культурной общности, а также общим самосознанием. Постепенно метаэтнические общегосударственные образования⁴⁴ складываются и в других социалистических странах, например в Югославии, Чехословакии, Вьетнаме.

⁴¹ См. Г. М. Бонгард-Левин. Древнеиндийская цивилизация. Наука. Религия. М., 1980.

⁴² См. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб., с. 36.

⁴³ См., например, Р. Н. Исмаилова. Этнические проблемы Тропической Африки. М., 1973.

⁴⁴ Однако эти общности вряд ли целесообразно именовать «национально-политическими» (см. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Современный этап национального развития народов Азии и Африки. — СЭ, 1961, № 4, с. 90; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Метаэтнические общности, с. 31—39). Такое наименование может дать повод для утверждения, что в этом случае имеется в виду единая национальная общность, в то время как в действительности рассматриваемые образования являются межнациональными (интернациональными).

Наряду с внутригосударственными межэтническими процессами идет также формирование новых межгосударственных историко-культурных ареалов. В странах социалистического содружества важнейшими предпосылками такого рода процесса выступает единство общественного строя этих стран, принадлежащих к одной и той же социально-экономической формации, интенсивное развитие между ними различных видов связей, начиная от экономических и кончая идеологическими и политическими. В частности, сотрудничество стран социалистического содружества в области искусства, науки и образования, их совместная идеологическая и политическая деятельность в сочетании с экономической интеграцией привели к складыванию определенной культурной общности этих стран. Процессы дальнейшей интернационализации в сфере культуры протекают и в западноевропейских странах, чему (наряду с усилением их экономической и политической интеграции) немало способствуют средства массовой информации.

Одним словом, в результате появления все новых и новых историко-культурных общностей, ареалы многих из которых в той или иной степени взаимопересекаются, их планетарная сеть в современных условиях как бы все более и более уплотняется. Одновременно усиливается взаимодействие всех этих общностей между собой. В результате формируются элементы культуры, в той или иной мере распространенные по всему миру, т. е. общемировая культура⁴⁵. Очень важно также то, что общая, особенно характерная для эпохи НТР тенденция к ломке национальных перегородок не только в рамках двух мировых систем, но и в глобальных масштабах затрагивает и культуру, хотя в разных ее компонентах проявляется неодинаково. Особенно наглядно процессы интернационализации проступают в материальной культуре. Это получило свое выражение прежде всего в широком распространении как в сфере производства, так и в сфере потребления разнообразных промышленно-стандартизированных изделий: от станков и автомашин до повседневных бытовых аксессуаров (таких, как одежда, мебель, пища и т. п.). Все более интернациональный характер приобретают и отдельные стереотипы повседневного поведения (например, рукопожатие, правила уличного движения и т. п.). Сказались интеграционные тенденции и в сфере духовной культуры. Особое значение в этом отношении имело развитие в условиях НТР средств массовой коммуникации, в первую очередь различных способов тиражирования: книг, кино, радио, телевидения и т. п. Тем же целям служат и международные фестивали, обмен деятелями культуры, различными выставками и т. п. Все это сделало возможным распространение в глобальных масштабах одних и тех же элементов духовной культуры: от произведений искусства и художественной литературы до таких широко распространенных форм досуга, как массовые зрелища, спорт, туризм и т. п.⁴⁶

Однако увеличение сходства между миром социализма и миром капитализма в технологии, материальной культуре, отдельных компонентах духовной жизни не дает оснований для утверждения о сглаживании вообще различий между двумя мировыми системами, их конвергенции. Было бы неверно в данной связи игнорировать коренные социально-классовые различия этих систем, обуславливающие диаметрально противоположность их идеологии, социально-политических целей и культивируемых духовных ценностей. Иными словами, надо учитывать, что интеграционная тенденция далеко не одинаково проявляется в различных социокультурных сферах. К тому же вообще не следует абсолютизировать роль интегрирующей тенденции в мировом развитии. Хотя эта

⁴⁵ См. С. А. Арутюнов. Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — «Исследования по общей этнографии», М., 1980, с. 35 и сл.

⁴⁶ См. «Страны и народы. Земля и человечество», с. 323.

тенденция в конечном счете выступает доминирующей, она неразрывно связана с тенденцией дифференцирующего характера⁴⁷. Последняя так же, как и первая, прослеживается на всем протяжении всемирной истории, наглядно проявляясь, в частности, в том, что каждой из рассмотренных выше историко-культурных общностей присущи не только объединительные, но и разъединительные, изолирующие функции.

Противоборство этих тенденций социокультурного развития человечества наряду с другими противоречиями всемирно-исторического процесса, как известно, не раз приводило к острым катаклизмам. Однако в современных условиях такие катаклизмы отнюдь не фатальны. Именно поэтому еще и еще раз следует подчеркнуть, что различия в социальной структуре и идеологии социалистических и капиталистических стран (в том числе и в рамках европейской историко-культурной общности) не являются препятствием для реализации принципов мирного сосуществования. Как известно, между странами, входящими в две различные мировые системы, могут развиваться и развиваются деловые отношения, базирующиеся на принципах взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела. Особенности современного научно-технического прогресса делают такого рода взаимоотношения между двумя социально-экономическими системами неизбежными. А это в свою очередь требует дальнейшего углубления и расширения международной разрядки, превращения мирного сосуществования в долгосрочно действующий фактор мирового развития.

THE MAIN TYPES OF HISTORIC-CULTURAL COMMUNITIES AND THE TRENDS IN THEIR DEVELOPMENT

Under historic-cultural communities the author understands those entities, arisen in the course of history, that are manifested not in any one component of culture (communities of that kind are without number) but in an integral complex of such components, even though this complex may, in the final analysis, be determined by various systems-forming factors (e. g. the economy, language, religion etc.). Historic-cultural communities are classified by the author into two main categories. To one of these belong ethnic communities. They are distinguished not only by the stability of their historically formed traits of culture but also by self-awareness which makes them particularly clear-cut in character.

Another category of historic-cultural communities is formed by historical ethnographical communities. Being, like the ethnos, a complex cultural community the historical ethnographical community differs from it in not possessing self-awareness. Each of the above categories of historic-cultural communities has several taxonomic levels, i. e. it is hierarchical in its nature.

Despite their stability all historic-cultural communities are dynamic phenomena: in the course of time they undergo greater or lesser changes. Such change is accompanied by a transformation of one kind of community into another kind. As an example of this it is shown in the paper that in the course of world history macroethnic communities were not infrequently transformed into new ethnic subdivisions at the basic level. Cases are also cited in which historic ethnographical communities were transformed into ethnic ones and, conversely, ethnic communities into historical ethnographical ones. On the whole all these transformations lead finally to a gradual increase in the size of ethnic communities. Concrete forms in which this tendency is manifested are examined in the paper on material from various periods of world history from the earliest to modern times.

⁴⁷ См. Ю. В. Бромлей. Интернациональное и национальное в строительстве социализма.— СЭ, № 5, 1977, с. 11.